МАСТЕРСКАЯ ВТОРОГО ТЕПЛА

МАРТА ВЕСЕНИНА

Марта Весенина

Мастерская второго тепла

«Автор»
2026

Весенина М.

Мастерская второго тепла / М. Весенина — «Автор», 2026

После развода Вера Ладина приезжает в небольшой магический город, чтобы начать всё заново. От тёти ей досталась мастерская, где старым вещам возвращают тепло с помощью магии. Но уже в первый день выясняется: старое оборудование неисправно, и пользоваться им опасно. У Веры всего сорок два дня, чтобы спасти мастерскую от закрытия.Придётся учиться работать по-новому, считать каждую марку и не обещать клиентам невозможного. И как назло, рядом оказывается Матвей — печник, который умеет помогать, но не всегда умеет спросить, нужна ли его помощь.Сможет ли Вера построить мастерскую на своих условиях — и впустить в новую жизнь человека, не потеряв вновь обретённую самостоятельность?Уютное бытовое фэнтези о ремесленной магии, маленьком городе и любви двух взрослых людей.

© Весенина М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Ключ и холодная печь 5
Глава 2. Цена большого тепла 12
Глава 3. Хлебница Зои Карповой 18
Глава 4. Помощь по смете 24
Глава 5. Вторая пара рук 30
Глава 6. Цена красивого шва 36
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Марта Весенина
Мастерская второго тепла

Глава 1. Ключ и холодная печь

Ключ повернулся, а дверь не открылась.

Вера потянула её на себя, потом толкнула плечом. За стеклом качнулась деревянная табличка. «Закрыто», — сообщила она с такой уверенностью, словно одной этой надписи было достаточно.

Дождь стекал с края шляпы за воротник.

Вера поставила саквояж на ступеньку, сняла перчатку и провела пальцами вдоль косяка. Внизу дерево разбухло. Над верхней петлёй виднелась светлая щель.

Она приподняла дверь за ручку и потянула ещё раз.

Внутри коротко звякнул колокольчик.

— Спасибо, — сказала Вера.

Ответить ему, по крайней мере, не полагалось.

Она втащила саквояж, внесла узкий ящик с инструментами и закрыла за собой дверь. В лавке было почти так же холодно, как на улице, зато не капало за шею. Под ногами скрипнули половицы.

Через мутноватое окно виднелись край каменного моста и колесо телеги, застрявшей посреди улицы. Возчик, спрятав руки в рукава, ждал, пока две женщины решат, с какой стороны обходить лужу. Одна держала корзину под плащом, другая — над головой. Судя по тому, как они переговаривались, дождь не был для Ольхова неожиданностью, но это не мешало им возмущаться.

Вера сняла шляпу. Для неё не нашлось крючка: все три возле входа занимали фартуки Агаты. Один, выцветший до неопределённого серого цвета, был заштопан поперёк кармана. Вера узнала собственные стежки. В последний приезд тётя попросила починить его, пока заваривался чай, и незаметно подложила ещё два.

Теперь оба тоже висели здесь.

Она передвинула фартуки на один крючок и повесила шляпу.

Приёмный стол стоял у окна. За ним темнели полки с номерами, на краю лежала книга заказов. Вера раскрыла её на последней странице: все строки были перечёркнуты тётиной аккуратной чертой, возле каждой стояло «выдано». Ни оставленной на завтра грелки, ни вещи, за которую уже взяли деньги.

Агата обещала передать дело без хвостов и сдержала слово.

На столе лежал листок:

«Чистое бельё наверху. Заслонка у печи справа, левая ручка никуда не ведёт — давно собиралась снять. Осмотр в одиннадцать. Свидетельство держи при себе.

Не тащи ящик одна по лестнице».

Вера посмотрела на узкий проход к лестнице и оставила инструменты внизу.

До одиннадцати было больше часа.

Она подняла табличку на двери, проверила оборотную сторону. Буквы «Открыто» выцвели сильнее: эта сторона бывала на свету чаще. После осмотра можно будет перевернуть её. Разобрать инструменты. Написать часы приёма. Узнать, где здесь покупают хорошую медную нить, а где продают такую, которая рвётся именно тогда, когда уже пришита.

За простенком находилась рабочая комната.

Посреди неё стоял накопитель — большое керамическое ядро в железной оправе, высотой Вере до пояса. Светлая глазурь потемнела возле креплений. От медного обода под крышкой расходились плоские полосы к двум рабочим столам; ещё одна уходила к длинной скамье под стеной.

Вера провела ладонью над ободом. Холодный.

Отдельно, в углу, белела обычная кирпичная печь. В ней нужно было сжечь дрова, чтобы зарядить ядро теплом. Потом огонь мог погаснуть, а накопитель ещё долго отдавал бы запас — ровно, без печных скачков — в рабочую вязь. На такой подаче можно было распороть согревающую подкладку, восстановить узор и проверить его, не поджарив ткань.

Без источника оставались игла, ножницы и добрые пожелания владельцу. Первые два Вера ценила гораздо выше третьего, но для полноценной починки чар их не хватало.

Она положила ладонь на стол. Доска была гладкая там, где годами двигались чужие руки, и вся в мелких насечках ближе к краю. В углу темнело круглое пятно от чашки.

Стол был низковат.

Вера попробовала сесть, вытянула ноги и чуть подвинула табурет. Потом встала. Придётся поднять стол на толщину двух дощечек, иначе к вечеру будет тянуть между лопатками.

В прежней мастерской она собиралась сделать это четыре года.

Здесь дощечки можно было подложить хоть сегодня.

Она развязала ремни на ящике. Сверху лежали ножницы в кожаном чехле, под ними — иглы, костяная лопатка, мотки тонкой нити. Маленькая линейка выскользнула и упала на пол. Вера подняла её, вытерла рукавом и разложила всё справа от себя.

На левом краю стола осталось достаточно места для локтя.

Это простое обстоятельство почему-то задержало её возле стола дольше, чем следовало.

* * *

Дарья Рогова пришла без десяти одиннадцать.

— Рано? — спросила она, придерживая дверь носком сапога.

— Вовремя. Дверь надо приподнять.

— Заметила.

Женщина поставила у порога плоский дорожный кофр и оглядела мокрый край своего плаща. С неё текло на половицу.

Вера достала из-под прилавка старую мешковину.

— Сюда можно. Тётя держала её для коробов.

— Благодарю. Дарья Рогова, городской надзор.

— Вера Ладина.

Дарья была широкоплечей, с коротко подстриженными седеющими волосами. На пальцах не оказалось колец. Только возле ногтя указательного пальца темнел ожог, совсем свежий.

Она сняла плащ, повесила его рядом с Вериной шляпой и раскрыла кофр.

— Свидетельство мастера и передаточную опись.

Вера принесла бумаги. Свидетельство немного отсырело в дороге, хотя она завернула его в клеёнку. Дарья проверила печати, задержалась на записи о последнем подтверждении квалификации и вернула лист.

— С бытовой вязью работаете давно?

— Шестнадцать лет.

— Большие общие источники обслуживали?

— Работала от них. Саму керамику не делаю.

— Хорошо. Тогда начнём с ядра.

Она произнесла это без заметного интереса к тому, почему после шестнадцати лет работы Вера приехала с одним ящиком и свидетельством. Вера была ей за это благодарна.

Агата предупредила об осмотре ещё в первом письме. При передаче мастерской менялось имя ответственного мастера, и старое разрешение следовало переоформить. Накопитель был пожилой, тётя этого не скрывала. Прислала записи о ремонтах, назвала два ненадёжных крепления и отдельно указала, что стол у окна надо бы укрепить.

Вера рассчитывала на замену креплений.

Дарья сняла наружную крышку, поставила её на пол и попросила зажечь лампу. Вера поднесла свет ближе. Под оправой открылась гладкая выпуклая стенка ядра. Медная вязь огибала её плотными ровными рядами.

— Тут подновляли?

— В описи есть запись. Осенью прошлого года.

Дарья нашла нужную строку, сверила отметку на оправе.

— Крышку пока не возвращаем. Дадим малую подачу.

Вера открыла указанную заслонку. Правая ручка пошла легко; левая, бесполезная, осталась торчать рядом. Она заложила в печь щепу и два небольших полена из корзины. Сухая береста занялась быстро.

Огонь осветил кирпичную глубину. По комнате потянуло дымом, потом тяга выровнялась.

Дарья поставила рычажок подачи на первую отметку. Вера следила за медным ободом. Через некоторое время по нему прошла слабая тёплая волна. Привычное ощущение: тепло добиралось до пальцев медленно, без толчка. Ядро принимало его, и у ближайшего стола можно было различить ещё едва заметный отклик рабочей линии.

Дарья приложила к керамике узкую полоску-свидетель.

Сначала ничего не произошло.

Вера успела подумать, что для лавки понадобятся хотя бы два новых крючка.

Потом у нижнего края полоски выступило бурое пятно.

Дарья закрыла подачу.

— От стола отойдите.

Вера уже убрала руку.

Пятно расползлось ещё на ширину ногтя и остановилось. Дарья открыла отвод к песчаной оправе. Из-под неё пахнуло горячей пылью.

Они молчали, пока тонкая медная полоса не остыла.

— Свет ниже, — сказала Дарья.

Вера опустила лампу почти к полу.

В нижнем смотровом проёме было темно. Дарья завела туда маленькое зеркало на ручке, повернула его. В отражении показалась внутренняя стенка ядра и тонкая косая черта.

Вера присела.

— По глазури?

— Нет. Видите, уходит под край.

Она увидела.

Черта пересекала внутреннюю стенку. Ниже, у самого основания, от неё расходилось ещё несколько коротких ответвлений.

— Снаружи целое, — сказала Вера.

— Поэтому я и смотрю изнутри.

Дарья отодвинула зеркало, проверила соседний участок и только потом выпрямилась.

Вера осталась сидеть на корточках. На уровне глаз находился винт с сорванным шлицем. Его, наверное, можно было заменить за десять минут.

— Если снять нижний обод…

— Трещина останется в ядре.

— Я понимаю. Можно оценить глубину.

— Можно. Для замены. В работу оно больше не пойдёт.

В печи с сухим треском раскололось полено.

— Совсем?

Дарья посмотрела на неё.

— Если бы расходилась внешняя вязь, мы бы её сняли. Здесь повреждена керамика, которая держит тепло. На большой зарядке она может отдать его через разлом. Сразу. В лучшем случае вы потеряете то, что лежит на столе.

Вера поставила лампу на пол и поднялась. Колени затекли, пришлось опереться на край скамьи.

Она сама отказалась бы подключать к такому ядру клиентскую вещь. Если бы его принесли к ней на осмотр, разговор занял бы меньше времени.

— Отключайте, — сказала она.

Дарья кивнула, словно ждала только того, чтобы Вера перестала искать в трещине что-нибудь другое.

Она вынула соединительные перемычки. Каждую положила в отдельное отделение кофра. На рычаг подачи закрепила проволочную пломбу; вторую — на гнезде общего рабочего кольца.

Накопитель остался стоять посреди комнаты. Светлая керамика, железные ножки, потёртый обод. Он не выглядел ни опаснее, ни бесполезнее, чем час назад.

Только от обоих столов теперь отходили свободные медные концы.

* * *

Для бумаг они вернулись в лавку.

Дарья записывала результаты стоя, подложив под лист крышку кофра. Вера смотрела на деревянную табличку у двери. До её оборотной стороны было три шага.

— Агата знала? — спросила она.

Дарья перестала писать.

— По последнему осмотру ядро было допущено. Износ отмечен, внутреннего разлома в записи нет. Снаружи его не видно. Когда он появился, я вам не скажу.

Вера кивнула. Тётя прислала бы и дурную новость. Возможно, на отдельном листе, чтобы не испортить хороший, но прислала бы.

— Печь тоже опечатаете?

— Зачем? Печь исправна. Отапливайте помещение, готовьте еду. К ядру подачу я сняла.

От этого ответа Вере стало немного легче. Не настолько, чтобы она могла объяснить, почему.

Дарья достала второй бланк.

— У вас переходный допуск на сорок два дня, считая сегодняшний. Холодный ремонт можете начинать. Для настройки вязи нужен отдельный исправный источник с действующей поверкой. К старому кольцу ничего не присоединять.

— И за сорок два дня я должна заменить всё?

— За сорок два дня вам надо предъявить то оборудование, на котором собираетесь работать постоянно.

— Здесь было три рабочих места.

— Можете предъявить одно.

Вера подняла глаза.

— Разрешение от этого изменится?

— В нём будут другие работы и другая нагрузка. Если захотите чинить большие общие вещи, понадобится соответствующий источник. Если будете брать небольшие — покажете безопасную схему для них.

Дарья повернула бланк к ней и указала на короткую незаполненную строку.

— Вот здесь будет перечень. Сейчас мы его не пишем.

Вера прочитала остальное. К вечеру сорок второго дня переходный допуск заканчивался. После этого, без нового осмотра, оставалась починка без подачи тепла: швы, крепления, оправы.

Работа знакомая и нужная. За неё платили достаточно, чтобы подработать, но содержать на этих деньгах помещение с комнатой наверху было бы трудно. Особенно когда в городе её ещё никто не знал.

— А если я не успею?

— Тогда остановите работу с источниками. Позднее подадите на осмотр снова, когда будете готовы.

Никакой окончательной гибели в этом не было. Можно было оставить ящик закрытым, найти место в чужой мастерской, пожить на свои деньги. От этой простой возможности Вере стало тесно в пальто.

Она расстегнула верхнюю пуговицу.

— Мне нужна будет новая большая установка?

— Это решать вам после расчёта. Я могу сказать, что опасно. Сколько вам стоит брать заказов, я не знаю.

Вера провела пальцем по строке, где предстояло поставить подпись. В старой мастерской бумаги тоже чаще приносили ей. Только сперва наверху уже появлялось обещание, которое её бывший муж успел дать клиенту. Она считала часы, переставляла очередь и отвечала: «Управимся».

Потом действительно управлялась. Иногда оставалась до ночи, иногда приходила в выходной.

Здесь над строкой стояло её имя.

Она ещё раз прочитала срок и подписала.

— Копия заключения ваша, — сказала Дарья. — Здесь указано, почему ядро снято с работы. Покажете мастеру, который будет считать замену.

— Керамикой здесь кто занимается?

— Рудин. Матвей Рудин. Его мастерская в Гончарном ряду, четвёртый дом. Но сначала возьмите размеры комнаты. И решите, что хотите чинить.

Вера нашла огрызок карандаша.

— Четвёртый?

— Над дверью глиняная сова. Номер у него плохо видно.

Дарья закрыла кофр, надела влажный плащ и забрала мешковину с пола.

— Оставьте, я уберу, — сказала Вера.

— Здесь с моих сапог.

Она сложила мокрую ткань грязной стороной внутрь и положила у порога.

Вера приподняла для неё дверь.

— До свидания.

— До свидания, Вера.

Колокольчик качнулся, выпустил короткий звук и затих.

* * *

В лавке сразу стало слышно, как дождь стучит по металлическому краю вывески.

Вера вернулась к рабочему столу. Ножницы, иглы и линейка лежали там, где она их оставила. Она взяла ножницы, переложила ближе к правой руке и тут же поняла, что сейчас просто переставляет вещи.

На улице телега наконец проехала. По стеклу скользнула широкая тень и исчезла.

Вера села.

От печи понемногу шло тепло, но пол ещё не прогрелся. В носке правого сапога было сыро. Она стянула его, поставила возле печи и обнаружила, что чулок протёрся на большом пальце.

За этим хотя бы не требовалось идти в надзор.

В дорожной сумке оставались хлеб, завёрнутый в салфетку, и кусок сыра. Вера положила их на свободную крышку ящика. Нашла чайник, сполоснула, поставила воду греться.

Пока вода не закипела, она заставила себя съесть хлеб.

На лестнице скрипнула ступенька — сама по себе, от того, что дом постепенно прогревался. Вера оглянулась. В прежней мастерской такой звук означал бы, что кто-нибудь спускается и сейчас спросит, готов ли очередной заказ.

Здесь никто не спускался.

Она отнесла чашку наверх.

Комната оказалась небольшой: кровать, комод, таз для умывания, стол у окна. На кровати лежало сложенное чистое бельё. Тётя оставила сверху выцветшее покрывало, которое Вера помнила ещё с детства. Оно было самое обычное, без согревающей вязи. Тяжёлое, немного колючее. Вера провела по нему рукой и расправила загнувшийся угол.

Через окно было видно крышу лавки напротив. В водосточном желобе застрял жёлтый лист. Его прижимало к решётке, отпускало, снова прижимало.

Уехать можно было.

Вера достала из саквояжа договор. Помещение и комната сдавались ей за оговорённую плату, инструменты Агата передавала насовсем. Никакого обязательства хранить каждый стол на прежнем месте в договоре не было. Как не было и обещания, что старая мастерская сама начнёт приносить деньги новой хозяйке.

Агата написала отдельно: «Если передумаешь, скажи сразу. Мне важно знать, кому оставлять дом на зиму».

Вера положила договор на комод.

Не сейчас.

Сначала следовало узнать цену.

Она спустилась за кошельком и чистой тетрадью, которую привезла для своего учёта. В лавке уже начало темнеть, хотя до вечера оставалось время. Пришлось зажечь лампу.

После дороги у неё было сто двадцать марок. Вера пересчитала деньги, отделила тридцать и убрала в маленький полотняный мешочек. На жизнь, если работа не пойдёт, и на возможность уехать, пока ещё есть на что.

Осталось девяносто.

Из них предстояло платить за помещение, покупать еду, дрова и расходники. На ядро оставались не девяносто — намного меньше. При этом нового ядра она ещё даже не видела и цены не знала.

Вера записала сумму. Ниже оставила несколько строк для расходов.

Рука сама вывела: «Сохранить мастерскую».

Она посмотрела на эти два слова. Сохранить можно было и пустую комнату с опечатанной керамикой, если достаточно долго платить за неё.

Вера перевернула страницу.

«Какие работы смогу делать».

Под этой строкой появились грелки, муфты, небольшие хлебницы. Всё, где она знала не только узор, но и обычные причины поломок: протёртый шов, перекошенную крышку, мокрую прокладку, перегнутую нить. Работы, за которые могла назвать цену после осмотра.

Крупные дорожные короба она пока не вписала.

Внизу записала фамилию печника и адрес. Потом вернулась в рабочую комнату за линейкой.

За длинной скамьёй оказалась ровная стена. Вера прижала к ней конец мерной ленты, протянула до простенка и записала число. Измерила проход, расстояние до печи, ширину обоих столов. Чтобы дотянуться до дальнего угла, пришлось встать на колени и вытянуть руку под скамью.

Там нашлась деревянная пуговица.

Она положила её на стол к инструментам.

После второго замера на листе возник план комнаты — кривоватый, но понятный. Много места занимал большой накопитель. Вера обвела его, затем нарисовала ту же комнату рядом, уже без него.

Свободного места получилось больше, чем она ожидала.

Она ещё не знала, какие малые источники здесь можно купить, для каких вещей хватит их мощности и сколько будет стоить оборудовать стол. Завтра нужно было увидеть всё своими глазами, задать вопросы и получить расчёт.

Вера сложила план вместе с заключением Дарьи. Сверху положила свидетельство мастера.

На двери всё ещё висело «Закрыто».

Она сняла табличку с гвоздя, стёрла с неё пыль и повесила обратно той же стороной. Переворачивать было рано.

Зато дверь она починила: подтянула винты верхней петли и сняла с нижнего края тонкую стружку. Теперь та открывалась без подъёма.

Вера сложила бумаги в сумку, положила сверху ключ и поставила её возле двери. Утром она пойдёт в Гончарный ряд.

Глава 2. Цена большого тепла

Глиняная сова смотрела поверх Вериной шляпы с выражением птицы, которой уже задавали этот вопрос.

Под ней висела медная пластинка с фамилией. Номер дома оказался сбоку, за водосточной трубой. Дарья описала всё верно.

Вера остановилась у двери и поправила под мышкой свёрнутый план. Утром бумага никак не хотела складываться по вчерашним сгибам. Она разгладила её на столе, перевернула, попробовала снова и только потом поняла, что тянет время.

Теперь тянуть было нечего.

Из мастерской доносился скрежет, потом два негромких удара. Вера постучала в раму.

— Открыто.

Внутри было тепло. Не то ровное домашнее тепло, которое успело добраться до стен, а рабочий жар: у дальнего прохода грело лицо, у двери оставались холодными пальцы. Пахло мокрой глиной и нагретым железом. Вдоль стены стояли узкие стеллажи; керамические кольца лежали на них на ребре, между деревянными прокладками. На одном стеллаже висела дощечка «Не брать». Под ней, словно для людей, с которыми первого раза не хватало, стояла ещё одна: «Остывают».

Мужчина за длинным столом затягивал крепление на небольшой железной раме. Он прижал её коленом, провернул ключ и только тогда поднял голову.

— Матвей Рудин?

— Да.

Вера назвала себя.

— Мне нужна смета на замену накопителя. Дарья Рогова дала ваш адрес.

Матвей положил ключ. Рукава у него были закатаны не одинаково: один держался выше локтя, второй всё время сползал. На щеке возле уха белела глиняная пыль. Он был немногим старше Веры, с тяжёлыми веками и коротко остриженными волосами, уже седыми у висков.

— Заключение принесли?

Она достала лист.

Он освободил для него место, переставив деревянную коробочку с крепежом. Потом передвинул и вторую — под бумагу как раз попадало пятно сырой глины.

Вера развернула план рядом.

Матвей прочёл заключение до конца, вернулся к первой строке и посмотрел на неё.

— У Агаты Ладиной?

— Теперь у меня.

— Печь осталась отдельно?

— Исправна. Подача к ядру снята, старое кольцо опечатано.

Он кивнул и наклонился над планом.

— Вот это что?

— Скамья. Длинная, вдоль стены.

— А здесь?

— Не дверь. Я ошиблась и зачеркнула.

Матвей повернул лист.

— Хорошо, что зачеркнули. Через такую дверь только боком.

Он достал линейку. Вера сняла перчатки, сложила одну в другую. Место за столом не предложили; она заметила табурет, придвинула сама и села.

Матвей поднял глаза, словно только сейчас вспомнил, что разговор может занять больше минуты.

— Там ножка шатается.

Вера проверила табурет ладонью и переставила его на две половицы дальше.

— Пол неровный.

Он нажал ногой на доску возле своего стола.

— Значит, табурет пока оправдан.

На соседнем конце столешницы лежала старая дорожная грелка. Суконный чехол был стянут грубой бечёвкой, медная застёжка почернела. Вера невольно задержала на ней взгляд. Нить возле сгиба торчала маленьким жёстким усиком.

— Это ваше? — спросила она.

— Принесли узнать, сколько стоит новая оправа.

— А вы сказали?

— Что проще купить новую грелку.

Матвей провёл на плане короткую черту.

— За чехол ещё возьмут, за вязь тоже. Потом выяснится, что старый вкладыш пора менять.

— Вы его смотрели?

— Вкладыш цел. Чехол старый.

— Он не держит на сгибе. Если пустить нить по прежнему месту, новая тоже переломится.

— Поэтому я и сказал: новую грелку.

Вера посмотрела на него. До сих пор он говорил с бумагой; теперь — с нею, спокойно и без попытки смягчить очевидное.

— Можно перенести сгиб и сменить край подкладки.

— Можно. За сколько?

Она снова взглянула на грелку. Хотелось назвать цену сразу. В прежней мастерской такое происходило часто: кто-нибудь объявлял вещь негодной, а Вера уже искала, где распороть шов.

— Сначала надо снять чехол, — сказала она. — Снаружи не видно, что там осталось.

Матвей убрал линейку.

— Это был бы хороший первый ответ владельцу.

— Ваш тоже стоило бы давать после осмотра.

Он помолчал, затем подвинул грелку подальше от сырой глины.

— Про цену вы правы. Про то, что её обязательно стоит чинить, — пока нет.

— Я этого не говорила.

— Вы на неё так посмотрели.

Вера расправила край своего плана.

— Давайте начнём с моей установки. На неё я смотрела гораздо дольше.

* * *

Большой накопитель Матвей нарисовал быстро: круг, оправа, три отходящие линии. Рядом записал несколько чисел. Последнее подчеркнул.

Двести тридцать.

Вера прочла сумму ещё раз, хотя почерк был ясный.

— Это вместе с работой?

— Ядро, защита, установка. Снятие старого. Под вашу комнату и прежнюю нагрузку — двести тридцать марок.

— Если сохранить оправу?

— Она рассчитана на другое ядро. Подгонка съест почти всю разницу, а за состояние креплений я тогда отдельно не поручусь. В эту цену я включил новую.

Вера положила руки на колени.

О сумме в сто двадцать она думала со вчерашнего вечера. Делила её, отодвигала тридцать, возвращалась к оставшимся девяноста. Двести тридцать не помещались в эти расчёты ни с одной стороны.

— Рассрочка? — спросила она и сразу пожалела, что начала с этого.

— По изготовлению можно платить частями. Общая цена от этого меньше не станет.

— Понимаю.

— И большая часть понадобится до первого обжига.

На полке за ним стоял новый накопитель, ещё без оправы. Светлая керамика была гладкой, без потёртостей и следов старой вязи. Вера представила его в своей комнате — на том же месте, с теми же расходящимися полосами. Только стол можно было бы поднять сразу.

Она отвела взгляд.

— Большую установку я не заказываю.

Матвей не стал предлагать другой цвет керамики или более дешёвую крышку. Перевернул лист и взял чистую сторону.

— Какие вещи будете делать?

Вера достала вчерашний список.

— Муфты. Домашние хлебницы. Дорожные грелки. Подкладки, если ткань живая. Небольшие подставки.

Он пробежал глазами строки.

— Здесь половина работы — сначала шить.

— Поэтому я умею шить.

— Я не про это. Пока вы меняете ткань, источник вам не нужен. Потом нужна подача, но не на целый день. Под такой порядок можно считать отдельные места.

Вера чуть придвинула табурет.

— Без общего кольца?

— Да. У каждого своя оправа, своя защита. Часть крупных вещей отпадёт.

— Крупные общие я пока и не записывала.

— Длинная подкладка тоже бывает разной. Где-то вы сможете работать по участкам, где-то малый источник просто не даст нужной подачи. Список придётся уточнять по вещам.

Он снял с нижней полки переносной прибор. В железной подставке, окружённая невысоким бортиком, сидела серая керамическая деталь величиной с хороший кирпич. Рядом находились два медных зажима и маленькая закрытая коробка.

Матвей поставил прибор между ними.

Вера привычно проверила, не попала ли под ножку бумага, и отодвинула свой план.

— Рабочий вкладыш вынимается? — спросила она.

— После остывания. Этот — один. Для постоянного места я считаю два, чтобы не ждать, пока пустой зарядится.

Она наклонилась посмотреть на крепление. Под бортиком виднелся чистый мелкий песок. У одного из зажимов стояла свежая отметка поверки.

— Сколько работает на тонкой нити?

Матвей назвал предел подачи и показал отметку на рычажке. Вера сопоставила её с несколькими привычными узорами. Для грелки хватало. Для большой стёганой подкладки пришлось бы менять порядок работы, а за некоторые вещи и вовсе не браться.

Это было меньше, чем она умела.

Но больше, чем игла и ножницы без тепла.

— Отдельный расчёт сделаете?

— После осмотра комнаты. По рисунку видно, что вы померили стены. Состояние печной площадки по нему не видно.

— Сколько стоит осмотр?

— Две марки. С расчётом. Если закажете подготовку у меня, они войдут в общую цену.

Вера провела пальцем по краю подставки, не касаясь керамики.

— А до готового оборудования этот можно взять?

— Напрокат. Две марки до конца переделки, не дольше вашего переходного допуска. После этого либо возвращаете, либо отдельно договариваемся о новом сроке.

— Если переделку не закажу?

— Вернёте прибор. За осмотр и прокат деньги не возвращаются.

— Я не спрашивала про возврат денег. Я спрашиваю, обязывает ли прокат заказать у вас установку.

Матвей посмотрел на неё внимательнее.

— Нет.

— Тогда запишите и это.

Он достал из ящика чистый лист.

Вера ждала, что он скажет что-нибудь о недоверии. Вместо этого Матвей переписал номер с подставки, указал срок и добавил: «Заказ изготовления оформляется отдельно».

Потом подвинул бумагу к ней.

Она прочла. Два раза.

— Когда сможете прийти?

— После полудня. Прибор принесу сам, заодно проверю место для него. Это входит в осмотр.

Вера вынула четыре марки.

Монеты легли возле подчеркнутых двухсот тридцати. Он убрал большой расчёт, прежде чем пересчитать плату.

* * *

По дороге обратно Вера купила хлеб, немного крупы и кусок сыра. Всё вместе стоило марку. Продавщица завернула сыр в такую маленькую бумагу, что уголок остался снаружи; Вера прикрыла его краем хлебной обёртки и убрала покупки подальше от квитанции.

В лавке она сперва записала расходы.

Четыре — осмотр и прокат. Одна — еда. Сто пятнадцать осталось, из них тридцать лежали отдельно.

У цифр был неприятный недостаток: они уменьшались даже в день, когда ничего ещё не заработано.

Вера убрала тетрадь и освободила рабочий стол. Старые медные концы не тронула. Сняла только лежавшие рядом пустые коробки, перебрала их и сложила одну в другую.

Матвей пришёл, когда в печи осела первая закладка дров. Прибор он нёс обеими руками, прижимая к груди деревянный щиток, который закрывал керамику.

У порога остановился.

— Куда поставить?

— Пока на скамью.

Он поставил, снял щиток и оглядел комнату. Большое ядро занимало почти весь проход между ним и Верой.

— На бумаге оно выглядело скромнее, — сказал он.

— Я старалась.

Матвей присел у нижней оправы, посмотрел на пломбы, затем на освобождённые гнёзда. Ничего не открыл и не попытался повернуть. Вера подала заключение; он ещё раз сверил пометку Дарьи и вернул лист.

Осмотр занял больше времени, чем она ожидала. Матвей проверил плиту перед печью, расстояние до деревянного простенка, крепление полки над столом. Один раз попросил

линейку, хотя своя торчала у него из кармана: короткой оказалось не достать от ножки стола до печной кладки.

Вера принесла мерную ленту.

— Семьдесят два, — сказала она, придерживая конец.

— До края доски?

— До ближайшего дерева. Здесь ножка выступает.

Он перепроверил и записал то же число.

— Хорошо померили вчера.

— Сегодня тоже могу.

— Вижу.

Матвей поднялся. Нижний рукав окончательно сполз на кисть; он подвернул его, оставив на ткани серый отпечаток пальца. Вера заметила у запястья неровную светлую кожу, но он уже повернулся к столу.

Переносную подставку поставили так, чтобы она не касалась старой линии. Зажимы смотрели в сторону свободной части столешницы. До края оставалось достаточно места, и всё же Матвей провёл ладонью вдоль прохода, проверяя, не заденет ли прибор рукавом.

— Сюда корзину не ставить, — сказал он.

— Корзина будет под приёмным столом.

— И ткань через подставку не перекидывать.

— Я не сушу ткань на рабочих источниках.

Он взглянул на неё.

— Говорю всем, кому даю прибор.

Вера собиралась ответить, что у неё есть свидетельство. Потом посмотрела на маленький пустой ящик, который сама минуту назад отодвинула прямо к горячему бортику печи, и переставила его дальше.

— Тогда говорите до конца.

Матвей показал замок вкладыша, отвод и отметки на подаче. Отдельно положил рядом лист с пределами работы и поверкой. На обороте было написано, как заряжать вынутый вкладыш и когда его можно возвращать в оправу.

— Пустой — четыре часа в печи и час остывает. Время на остывание не сокращать.

— До установки в прибор, — уточнила Вера.

— Да. Для этого места вашей печи хватит. Новую керамику в ней не сделать, а готовую зарядить можно.

Вера посмотрела на часы над дверью. На стекле застыл тётин след от мокрой тряпки. Часы шли; это она проверила ещё утром.

— Если я закончу работу с пустым вкладышем в середине дня, следующую вещь на вечер уже не обещать.

— С одним — не обещать.

Он произнёс это без назидания. Просто положил ещё одну границу рядом с четырьмя марками и подписью на квитанции.

Для проверки Вера выбрала кусок чистой рабочей нити, закрепила его на колодке и посмотрела на Матвея. Он указал на первую отметку.

Она открыла подачу сама.

Тепло пришло не сразу. Вера держала ладонь над нитью, не торопя, затем придвинула ближе костяную лопатку. По короткой петле прошёл ровный отклик.

На большом кольце это ощущалось бы шире: будто согрелся весь стол. Здесь тепловой рисунок умещался возле её ладони.

Вера сдвинула лопаткой один изгиб. Отклик переместился следом. Она вернула нить на место, закрыла подачу и дождалась, пока остаток уйдёт.

— Для хлебницы хватит, — сказала она.

— Для небольшой.

— Я помню.

Он убрал колодку, проверил её крепления.

— К послезавтра рассчитаю подготовку и отдельное место. Добавление следующих укажу отдельно. Придёте с утра?

— Приду.

Матвей собрал инструменты. У двери заметил светлый след на нижней кромке.

— Задевала?

— Вчера.

Он открыл дверь обычным движением, не приподнимая.

— Теперь нет.

Вера придержала её, пока он выходил. На улице снова начинал моросить дождь. Матвей поднял воротник, оглянулся на вывеску и пошёл к Гончарному ряду.

Она закрыла дверь и вернулась в рабочую комнату.

Прибор стоял на столе. Он занимал меньше места, чем раскрытый ящик с её инструментами; рядом оставались опечатанное кольцо и две пустые рабочие линии.

Вера села, придвинула ножницы и попробовала разложить перед собой обычный заказ: ткань слева, нить справа, лист с записью у дальнего края. Затем отодвинула лист. Вещи здесь ещё не было, и изображать занятую мастерицу перед пустой столешницей было незачем.

Она принесла бумагу для двери.

«Приём небольших домашних вещей. Осмотр перед назначением цены».

Потом дописала часы. Места для слова «срочно» не оставила, хотя рука уже собиралась вывести его под первой строкой.

Объявление положила под книгу заказов, чтобы края не загибались. Утром повесит.

На столе тихо щёлкнула остывающая оправа. Вера подняла голову, прислушалась и проверила закрытую подачу.

Теперь у этого звука был знакомый смысл.

Глава 3. Хлебница Зои Карповой

На третье утро в Ольхове Вера перевернула табличку.

Ничего не произошло.

Возле моста всё так же разгружали телегу, на крыше напротив спорили воробьи. Человек с двумя пустыми корзинами посмотрел на объявление, поправил одну корзину и пошёл дальше.

Вера вернулась за приёмный стол. Подвинула к себе книгу заказов, проверила, пишет ли перо. Оно писало, причём заметно толще, чем ей хотелось. Она выбрала другое.

Потом решила, что двух перьев для первого посетителя достаточно, и ушла разбирать нить.

Колокольчик зазвенел, когда она уже высыпала на стол целую коробку коротких мотков.

В дверях стояла женщина с корзиной, накрытой полосатым полотенцем. На тёмной юбке у неё белел отпечаток ладони; такой же, поменьше, виднелся возле локтя.

— Вы вместо Агаты?

— Вера Ладина. Проходите.

Женщина вошла и поставила корзину на скамью.

— Зоя Карпова, пекарня за мостом. Агата говорила, что приедет племянница. Только я думала, ещё к концу недели.

— Приехала раньше.

— Тогда хорошо, что я не стала ждать.

Зоя сняла полотенце. Под ним оказалась деревянная хлебница с выцветшими синими цветами на крышке. Один цветок давно стёрся до половины; второй сохранил только три лепестка. На боку темнело место, за которое хлебницу брали каждый день.

— Греет сбоку, — сказала Зоя. — А хлеб холодный. Вчера ещё подумала, что плохо зарядила. Сегодня уже не думаю.

Она вытащила хлебницу из корзины обеими руками и опустила на стол.

Крышка не легла до конца. Зоя прижала её справа, затем придержала локтем и подвела застёжку.

Вера посмотрела на этот привычный, хорошо отработанный порядок.

— Так давно закрывается?

— С осени. Раньше было легче.

— А греть сбоку когда начала?

— На этой неделе. До этого держала как надо.

Вера освободила застёжку. Крышка чуть приподнялась.

— Можно вынуть хлеб?

Зоя достала из корзины полотенце, перевернула чистой стороной вверх. Вера положила на него два небольших куска. Внутри пахло ржаной коркой и сухим деревом.

В отдельном нижнем гнезде стоял круглый плоский вкладыш. От него ещё шло слабое тепло. Вера вынула его за прохладный край оправы и поставила на керамическую подставку. Тонкая вязь в стенках почти сразу перестала отзываться под пальцами.

— Вы сегодня уже заряжали?

— Перед первой выпечкой. Всё по надписи. Я с ней двенадцать лет, Вера, умею.

— Мне нужно знать, сколько тепла она успела потерять. Я не проверяю, умеете ли вы топить печь.

Зоя посмотрела на подставку и кивнула.

Вера провела ногтем вдоль стыка, затем приложила линейку к нижнему краю. Дерево под тёмным лаком оставалось плотным. У угла, однако, поперечная планка отходила от рамы,

а один её конец был расколот вокруг старого крепления. Когда Зоя прижимала крышку, вся оправа чуть подавалась следом.

— Вот здесь держите, — попросила Вера.

Зоя упёрлась ладонью в бок хлебницы.

Вера нажала на противоположный угол. Между крышкой и стенкой открылась светлая щёлка.

— Видите?

— Вижу. Только я принесла чары чинить.

— До них тоже доберёмся. Но сперва надо выправить оправу. Сейчас крышка тянет её в одну сторону, застёжка — в другую. Нить проходит рядом с этим креплением.

Она показала небольшой потёртый участок, не разрывая его.

— Если я поставлю здесь новую вязь, а дерево оставлю, вы снова прижмёте крышку локтем. И она снова перетрётся.

— Выходит, ещё и к столяру?

— Нет. Доски целые, заменить нужно эту планку и поправить крепления. Я сделаю. Если под ней обнаружится что-то хуже, сначала покажу вам.

Зоя погладила большим пальцем стёртый цветок.

— Новые выше, — сказала она. — Я смотрела. У меня полка над кухонным столом, туда эта как раз входит. А переставлять полку некуда, выше окно.

Вера снова проверила крышку.

— Высота останется прежней. Цветы подновлять не возьмусь.

— Цветы мне хлеб не греют.

— Тогда три марки за работу и материалы. К пяти часам, если под планкой всё так, как видно сейчас. Увидим худшее — позову из пекарни и пересчитаем до продолжения.

Зоя обвела взглядом пустую лавку.

— А раньше пяти?

Вера уже прикинула, сколько займёт дерево, сколько — подгонка нити. Ремонт можно было закончить раньше. Проверку после ремонта — нет.

— В пять.

Зоя вздохнула и сложила полотенце.

— Ладно. Только я тогда сама, после печи. Никого присылать не буду.

Вера внесла её имя в книгу. Перо оставило на бумаге ровную тёмную строчку. Под названием вещи она записала цену и условие повторного согласования, затем прочла вслух.

— Всё верно, — сказала Зоя. — Хлеб мне заверните, он к чаю нужен. Хлебница как раз для этого и стоит: чтобы вечером дома свой хлеб есть, пока я не опомнилась и не ушла ещё раз в пекарню.

Вера подала свёрток.

У двери Зоя обернулась:

— А большая штука у вас чего без полос?

Из лавки был виден край старого накопителя.

— В ядре трещина. Его отключили. Я работаю на отдельном малом источнике, по временному допуску.

— Хлебницу можно?

— Да. На неё мощности хватает.

— Тогда до пяти.

* * *

Снятая планка рассыпаться не стала. Она была крепкой почти по всей длине, кроме того места, где старый винт раздвинул волокна. Вера положила её отдельно — показать Зое — и проверила дерево под ней.

Повезло. Нижняя рама не прогнила, отверстия вдали от расколотого угла держали крепёж. Хлебница не нуждалась в новой жизни целиком; ей требовалось, чтобы крышку перестали удерживать силой.

Вера записала размеры планки, длину нити и количество прокладки. На двери оставила время возвращения, закрыла лавку и сходила за материалами.

Лавка с крепежом нашлась через два дома от Гончарного ряда. Здесь нить отмеряли по длине, а не продавали целыми мотками, и за это Вера сразу простила торговцу привычку дважды пересчитывать мелочь. Подходящую планку он вынул из ящика обрезков. Вера проверила волокна, отказалась от первой, косослойной, и выбрала вторую.

Нужные материалы обошлись в марку.

К своему объявлению она вернулась за четыре минуты до обещанного срока. Возле двери никого не было. Это одновременно обрадовало и немного задело.

Вера сняла бумажку и отнесла хлебницу к рабочему столу.

Потребительский вкладыш положила заряжаться в обычную печь по указанному на его оправе режиму. До проверки он должен был получить нормальный запас. По остывающему остатку утреннего тепла судить о починенной вещи было бы бессмысленно.

Сначала пришлось разобрать угол. Один винт не хотел выходить. Шлиц был ещё цел, но неглубок; Вера подложила сложенную ткань, перевернула хлебницу и подобрала отвёртку потоньше. Держала её строго прямо, прижимая плечом, пока винт наконец не сдвинулся с сухим щелчком.

Она положила его рядом с планкой.

Без поперечного крепления рама расправилась не полностью. Вера ослабила петлю, выставила крышку по краю и проверила боковые зазоры. Лишь после этого подогнала новую планку. Она несколько раз снимала её и возвращала на место, выбирая понемногу древесину там, где та мешала раме встать ровно.

Со стороны такая работа всегда выглядела одинаково: мастерица делала что-то с деревяшкой, потом смотрела на неё и делала ещё раз.

Вера подняла хлебницу к свету.

Щели больше не было.

Она закрепила планку, поставила вещь на стол и закрыла крышку. Та легла спокойно, без нажима. Застёжка теперь не доставала до своего гнезда совсем немного — столько и составлял прежний перекос.

Пришлось перенести гнездо.

Старый след на дереве остался виден. Вера пригладила его мелкой шкуркой, но не стала обещать себе сделать незаметным. Зоя не просила новой хлебницы на вид. Просила исправную.

Теперь можно было заняться нитью.

Внутренняя прокладка была прошита вдоль кромки. Вера осторожно распустила короткий участок, сохранив узлы по обе стороны. Под ним открылась тонкая медная вязь, потемневшая возле угла. Нить тёрлась о крепление и почти разделилась на две жилки.

Вера не стала проверять её теплом. Сняла повреждённый отрезок, выбрала новый и провела чуть дальше от винта, оставив место для движения крышки. Затем укрепила прокладку так, чтобы та не съезжала на изгиб.

На этом месте она задержалась.

Рука уже хотела закончить привычным узлом. Но старая дорожка была рассчитана на другую посадку крышки. Теперь угол стоял ровно, и прежде незаметный лишний изгиб стягивал бы внутренний край.

Вера вынула последние два стежка.

Переложила нить, проверила ход крышки ещё раз и только потом закрепила.

Рабочий источник стоял справа. Она сверила допустимую подачу с листом Матвея, закрепила отдельные выводы на колодке и открыла тепло на нижней отметке.

Под ладонью появился неровный рисунок: тёплая полоса вдоль стенки, слабый провал у исправленного угла, затем снова тепло. Вера прикрыла глаза, чтобы не смотреть на собственные пальцы. На ощупь разница была яснее.

Она изменила натяжение одного перехода и подождала.

Тепло выровнялось, но у застёжки стало теснее. Полоска-свидетель сохраняла обычный цвет. Это не было перегревом; просто подача распределялась не так, как нужно хлебнице.

Вера отпустила переход, взяла костяную лопатку и раздвинула два соседних витка. Не так быстро, как на большом рабочем кольце. Малый прибор отзывался с задержкой, и за эту задержку легко было успеть сделать лишнее.

Она заставила себя убрать руку и дождаться.

За окном прогремела пустая тележка. Кто-то окликнул знакомого через улицу. Вера посмотрела на часы, затем снова на раскрытую прокладку.

Время ещё было.

После третьей настройки тепло пошло ровно. Она провела ладонью над всем краем, медленно закрыла крышку, открыла снова. У исправленного угла рисунок не оборвался.

Вера прекратила подачу, дождалась отвода остатка и отсоединила рабочую линию. Затем зашила прокладку и несколько раз повернула хлебницу, проверяя, не натягивается ли что-нибудь в движении.

В правом плече неприятно потянуло. Она выпрямилась, положила руку на затылок и постояла так, глядя на низкий стол.

Четыре года в прежней мастерской не следовало повторять хотя бы потому, что теперь некому было мешать.

Но сначала — проверка заказа.

* * *

Для пробы Вера отрезала от своего хлеба два одинаковых ломтя и согрела возле печи. Один положила в хлебницу, другой оставила на блюдце. Вернула заряженный потребительский вкладыш в нижнее гнездо и закрыла крышку.

Через некоторое время она проверила угол, потом низ, потом застёжку. Снаружи дерево едва согрелось. Тепло оставалось внутри, где ему и полагалось быть.

Вера записала время.

Пока шла проба, можно было разобрать короткую нить. Она уселась за приёмным столом и начала отделять годные отрезки от тех, которые Агата, видимо, берегла исключительно из уважения к меди. Из самых коротких уже нельзя было сделать даже надёжный переход. Вера складывала их в жестяную чашку, остальные — по длине.

Каждый раз, когда ей хотелось открыть хлебницу раньше срока, она выбирала ещё один моток.

Час прошёл медленно. Следующий — быстрее: удалось найти целую коробку подходящих прокладок и отделить чистую ткань от пожелтевшей по краям. Вера наклеила на коробки новые бумажки. Старые надписи Агаты были ясными, но слово «хорошее» на трёх разных крышках помогало только самой Агате.

Когда колокольчик зазвенел, Вера уже поставила хлебницу на приёмный стол. Рядом лежали старая планка и снятая нить.

Зоя пришла с мокрыми волосами возле висков и пустой корзиной. Остановилась у двери, выдохнула.

— Успела?

— Без пяти пять.

— Часы у вас не отстают?

— С утра сверяла.

— Значит, сегодня я успела.

Она подошла к столу. Вера подвинула хлебницу и показала новую планку.

— Дерево под ней целое. Пересчитывать цену не понадобилось. Крышка теперь ложится ровно, гнездо застёжки пришлось передвинуть. Здесь останется след.

Зоя попробовала закрыть хлебницу прежним способом, прижав справа.

— Не надо давить, — сказала Вера. — Просто опустите.

Зоя убрала локоть и опустила крышку. Застёжка встала на место.

Она открыла и закрыла ещё раз.

— Рука сама, — сказала она. — Столько раз дожимала.

Вера кивнула. Она знала вещи, возле которых руки оказывались упрямее головы.

— Два часа проверяла в комнате. Вот этот ломоть был внутри, второй лежал рядом.

Она вынула хлеб и разломила. Зоя коснулась середины одного куска, затем другого. У второго мякиш уже остыл.

— Тёплый, — сказала она без удивления, но совсем другим голосом.

— И угол снаружи не горячий.

Зоя положила ладонь на прежнее место утечки, подержала.

— У Агаты после починки тоже так было. Потом понемногу разладилось.

Вера показала старую нить.

— Она тёрлась о крепление. Сейчас я отвела её дальше. Но если снова придётся прижимать крышку, не ждите, пока перестанет греть. Сначала принесите поправить дерево.

Зоя взяла расколотую планку, перевернула и вернула на стол.

— Эту заберёте?

— Если вам не нужна.

— Дров у меня хватает.

Вера завернула негодную нить в обрезок бумаги. Зоя тем временем заглянула в рабочую комнату. Малый прибор виднелся на краю стола.

— А вы от этой небольшой чинили?

— От неё.

— Мой кругляш теперь другой нужен?

— Ваш исправен. Он нужен, чтобы пользоваться хлебницей дома. А мой подаёт тепло, пока я восстанавливаю и настраиваю вязь. Режим зарядки у вашей вещи прежний, по надписи на оправе.

— Хорошо. Мне бы ещё за зарядкой через мост ходить.

— За ней не нужно. И возле самой печи хлебницу не держите. Заряжаете вынутый вкладыш, не всю вещь.

— Да знаю я, — сказала Зоя, но уже без прежней настороженности. — Она у меня на своей полке. Теперь, выходит, и останется.

Она вынула кошелёк, достала три марки и положила на стол.

Вера записала оплату. Зоя наклонилась посмотреть, как она подписывает квитанцию.

— Ладина, значит, тоже.

— Тоже.

— Тогда людям будет проще объяснять. Скажу: там же, только Вера.

Вера оторвала квитанцию по сгибу и протянула ей.

— Скажите ещё, что я сперва смотрю вещь. Не на всё малый источник годится.

— Это я прочла. На двери крупно.

Зоя уложила хлебницу в корзину. Та вошла плотно, без перекоса. Сверху легло полосатое полотенце, подоткнутое с боков.

— После второй выпечки у меня поесть бывает некогда, — сказала она, поднимая корзину. — А домой прихожу — свой же хлеб лежит, как чужой. Вроде я его уже позавчера пекла. Неприятно.

— Сегодня будет теплее.

— Сегодня и посмотрим.

Она сказала это деловито, но, выходя, придержала дверь, чтобы колокольчик не ударил слишком громко.

Вера осталась возле стола.

Три марки лежали рядом с чашкой, в которую она собирала негодную медь. Она убрала монеты прежде, чем нечаянно смахнула бы туда и их.

За вычетом купленных материалов первый ремонт оставил две марки. Всего у неё теперь было сто семнадцать, включая неприкосновенные тридцать. Работа заняла почти весь день.

Вера записала и деньги, и время. На свободном поле было достаточно места, чтобы в другой день посчитать, сколько она за этот день заработала за час. Сейчас она ограничилась тем, что не спрятала часы под словом «ремонт».

Потом закрыла дверь на задвижку, убрала рабочую нить и проверила запас прокатного вкладыша. Его пора было заряжать. Она вынула остывшую деталь, устроила её в печи и записала, когда закончится зарядка и час выдержки после неё.

Затем отрезала к ужину ещё хлеба.

Пробный ломоть, который пролежал на блюдце, успел подсохнуть. Вера налила себе горячей воды, села у приёмного стола и съела сначала его.

В книге лежала закладка на первой заполненной ею странице. Под именем Зои Карповой стояли две короткие отметки: «выдано» и «оплачено».

Завтра эту страницу не придётся начинать заново.

Глава 4. Помощь по смете

В смете было две колонки: «Теперь» и «При добавлении».

Вера прочла обе, потом вернулась к первой. К утру четвёртого дня она успела привыкнуть к числу двести тридцать настолько, что любая меньшая сумма выглядела почти щедростью. Приходилось следить за собой.

Матвей стоял по другую сторону стола и ждал.

— Общая подготовка — тридцать две, — сказала Вера. — Одно место — шестнадцать. Вместе сорок восемь.

— С двумя рабочими вкладышами.

— А здесь прокат.

— Входит в подготовку. И ваш оплаченный осмотр. Четыре марки уже внесены.

Вера нашла отметку внизу страницы.

Большое ядро предстояло убрать, но не сразу: сначала нужно было подготовить место, где она сможет продолжать разрешённую работу. В смету входили разводка отдельных линий, защита, проверка деталей и установка. Матвей расписал даже вывоз негодной керамики. Вера провела ногтем вдоль этой строки. Во вчерашних прикидках она про вывоз забыла.

— А срок первого обжига?

— Через четыре дня.

Она подняла глаза.

— У меня уже идёт четвёртый день допуска.

— Знаю.

— Нет места для одной пары?

Матвей отодвинул лист от края и повёл её в глубину мастерской.

За перегородкой было жарче. Обжиговая печь занимала почти всю дальнюю стену. Перед ней стояли длинные решётчатые полки, а на полках — ряды сырой керамики. У каждой группы лежала дощечка с именем и датой.

Вера остановилась возле самого маленького ряда.

— Их нельзя поставить плотнее?

— Крайние получат другой жар. А эти, — Матвей указал на более толстые детали, — раньше нужного срока не просохнут.

Она посмотрела на печь. Знакомый соблазн: если вещь небольшая, ей обязательно найдётся место среди чужих больших вещей.

За шестнадцать лет Вера слышала это про свою работу достаточно часто.

— Что сейчас внутри?

— Предыдущая загрузка. Потом остывание, выгрузка, осмотр. Следующая идёт по этой очереди. Вашу первую пару я могу поставить в неё, не вынимая чужую.

— И пробовать через шесть дней?

— Если детали выйдут исправными. После обжига их ещё проверяют.

Он не сказал «успеем непременно». Вера понимала, что именно это хотела услышать, и оттого ответ раздражал сильнее, чем заслуживал.

Она провела взглядом по чужим дощечкам.

— Хорошо. Оставляем этот срок.

У выхода Матвей задержался, чтобы отодвинуть с прохода ящик. Вера взяла его за второй край. Он коротко предупредил, что внутри железо; она уже почувствовала вес и переменила хват.

Ящик поставили под полку.

— Готовый прокатный вкладыш я вчера зарядила, — сказала Вера. — С ним до вашей очереди ждать не надо.

— Не надо. Обжиг — для новой керамики. Заряжать готовую будете у себя и сейчас, и потом.

— Значит, в графике мне нужны две разные строки.

— Нужны.

Они вернулись к столу.

* * *

Матвей указал на вторую колонку.

— Любое следующее место — ещё шестнадцать. Подготовка второй раз не считается. Четыре места вместе выйдут в девяносто шесть.

Вера посмотрела на эту сумму дольше, чем следовало.

Четыре места означали, что не надо будет каждый раз освобождать единственный стол для другого узора. Можно оставить вещь на проверке, заняться следующей, дать вкладышу остыть. В прежней мастерской она привыкла держать несколько работ сразу, хоть собственные руки от этого не прибавлялись.

— Но сегодня я заказываю одно, — сказала она.

— Тогда это и подпишем.

— И общую подготовку. Остальные — только после отдельного подтверждения.

Он провёл черту под первой колонкой.

Вера положила рядом свой список. На нём уже появилась хлебница Зои, обведённая маленьким кружком. Возле неё были записаны часы.

— Здесь вы считаете стандартную настройку, — сказала она. — А мне нужно место для разных вещей. Не только новых вставок с одним узором.

— Разъём одинаковый. Меняется то, что вы кладёте на стол.

— И сколько места для этого оставлено. Подкладку я не сверну в трубку, пока она на подаче.

Матвей развернул рисунок. На нём источники стояли вдоль стены, рядом были намечены прямоугольники рабочих поверхностей. Один он сделал заметно уже, чем на Вериной схеме.

— Этот стол даст хороший проход к печи.

— И мне придётся держать половину ткани на коленях.

Вера приложила к рисунку ладонь, прикидывая привычное движение. Сидеть боком к столу, поднимать локоть, отодвигать раскрытую подкладку всякий раз, когда потребуется инструмент. Так она уже работала.

— Здесь оставляем прежнюю ширину. Проход можно получить с другой стороны, когда уберём большую оправу.

— Там сейчас полка.

— Её можно снять. В стене полки чинить не приходится.

Матвей взял карандаш. Не стал сразу стирать свою линию: ещё раз сверил размеры, провёл другую, померил проход. Потом зачеркнул первый прямоугольник.

— Так помещается.

— Тогда так и сделаем.

Вера почувствовала, что сидит ровнее. Не потому, что сумела настоять: разговор оставил после себя исправленный рисунок, а не необходимость ещё раз объяснять то же самое вечером.

Матвей переписал размер на чистый лист.

— Хлебницу выдали?

— Вчера. Исправная основа, одна сменная планка, короткий участок нити. Вкладыш остался прежний.

— Хозяйка довольна?

— Проверит дома. Ей важна высота: другая не помещается на полку.

Он поднял голову.

— Полку переставить нельзя?

— Выше окно.

Матвей посмотрел на только что перечёркнутый стол и слегка улыбнулся.

— Понятно. Не один я рисую сначала, куда удобнее поставить.

Вера тоже улыбнулась, прежде чем успела решить, стоит ли.

Линия его рта от этого замечания стала другой — мягче, чем во время расчёта. Он уже вернулся к цифрам, а Вера ещё секунду смотрела на его лицо. Затем пододвинула себе условия оплаты.

Двадцать четыре марки в начале, из них четыре уже внесены. Последние двадцать четыре по основному договору — после передачи и общей проверки оборудования, в день окончательного осмотра, не позднее окончания переходного допуска. Если она закажет дополнительные места, каждое оплачивается отдельно: восемь перед изготовлением, восемь после проверки готового комплекта. Новые сроки тоже подтверждаются отдельно.

— Эти последние двадцать четыре не зависят от того, сколько мест добавлю? — спросила она.

— Не зависят. Это остаток за основную подготовку и первое место. Дополнительные оплачиваются по своей строке. Уже выполненное не станет дешевле, если вы потом передумаете расширяться.

— А если я остановлю работу раньше?

— Сверим, что сделано по заказу, и рассчитаемся за сделанное. Незаказанные места в долг вам не запишу.

Вера перечитала условия.

Она могла оплатить первый договор своими деньгами, не трогая тридцать марок и оставляя средства на ближайшую жизнь. Для четырёх мест понадобилась бы ещё работа. Не чьё-то обещание дать ей работу, а заказы, выполненные и оплаченные.

Пока в книге была одна закрытая строка.

Вера поставила подпись под сорока восемью.

Матвей расписался рядом, сделал отметку о двадцати марках, которые она отсчитала сейчас, и выдал ей второй экземпляр.

— Завтра приду проверить рабочий порядок с вашим прибором и покажу пробу защиты. Час после полудня подойдёт?

— Подойдёт.

— Всё, что нужно для этой пробы, в смете. Отдельно платить не надо.

Вера сложила договор.

— Вы всегда это говорите?

— Когда вижу, что человек уже ищет строку.

Она убрала палец с края листа.

* * *

Письмо Агате Вера написала за приёмным столом. Сначала изложила результаты осмотра, стараясь не сделать из них ни катастрофы, ни мелкой неприятности.

«Внутренняя трещина. Когда появилась, Дарья не знает. Печь исправна, дом топлю. Большое ядро менять не буду, оно мне не по средствам. Заказала подготовку и первое малое место. Вчера починила хлебницу Зои Карповой, деньги получила».

Вера перечитала последнюю строчку. Она выглядела немного по-детски, словно тёте требовалось сообщить, что племяннице доверили настоящие монеты.

Но вычёркивать не стала.

Ниже написала, что не передумала оставаться и пока считает дальнейшие расходы. Обещать, что место будет только одно, тоже не стала.

Письмо отправила вместе с оговорённой платой за первую неделю. На обратном пути заказала вязанку сухих дров. Плата за жильё, почтовые расходы и дрова вместе забрали ещё три марки.

К вечеру в тетради остались девяносто четыре. Тридцать по-прежнему лежали в отдельном мешочке.

Вера перенесла из договора будущий платёж и оставила ниже свободные строки. В них пока нечего было записывать как доход.

Потом достала из кладовой обрезки досок, которые Агата хранила рядом с пустыми деревянными ящиками, и стала подбирать подставки к столу.

Две доски одна на другую дали нужную высоту. Вера проверила остальные, выбрала пары одинаковой толщины и отложила слишком узкие. Возиться с ними при лампе не хотелось: стол следовало поставить ровно, а не просто выше.

Она оставила работу до утра.

* * *

На следующий день Вера закончила подставки до начала приёма. У каждой сделала край, за который ножка не могла соскользнуть, проверила, не качается ли стол, и села.

Локти легли иначе.

Вера разложила перед собой кусок ткани, провела иглу, вытянула нить. Плечо не пришлось поднимать. Она сделала ещё два стежка, уже без надобности, и распустила их.

После этого работать за приёмным столом захотелось ещё меньше.

Матвей пришёл к обещанному часу с узким ящиком. Вера успела убрать с рабочей поверхности всё, что не относилось к прибору, и открыть его лист с отметками.

— Стол подняли, — заметил он.

— Да.

Он проверил подставку у ближней ножки, не трогая остальное, и поставил свой ящик на скамью.

Внутри лежали пробная колодка, запасные защитные жилки и ручной размыкатель с длинной костяной ручкой. Вера достала полоску-свидетель. На этот раз на столе не будет ни клиентской вещи, ни старой повреждённой керамики.

Матвей показал, где в защитной коробке проходит тонкая светлая жилка.

— Сначала обычная малая подача. Потом разорвём её вручную. Проверим остановку без перегрева.

Вера кивнула и подала ему лист, чтобы он отметил проведённую пробу.

— Сначала проведём, — сказал Матвей.

— Лист можете пока положить рядом.

Он взглянул на неё, потом на перо в своей руке и положил его.

Из лавки донёсся звон колокольчика.

Подачу ещё не открывали. Вера оставила размыкатель на столе и вышла.

Женщина в сером платке держала потёртую дорожную муфту. Протянула её сразу через прилавок.

— Зоя сказала, вы чините старое.

— Сначала посмотрю, что можно сделать.

— Мне бы ту же подкладку. Она мягкая, другую не хочу.

Вера коснулась края. Под пальцем ткань была ещё приятной, но у шва просвечивала почти до основы. Для ответа требовалось распороть, проверить вязь и поговорить с хозяйкой дольше, чем между двумя действиями у прибора.

— Сейчас я занята проверкой оборудования. Можете оставить на осмотр, цену и возможность ремонта обсудим отдельно. Завтра зайдите после полудня.

— А сегодня никак?

Вера посмотрела в проход. Матвей стоял возле скамьи, закрыв ящик, чтобы в него ничего не упало. Он не делал вид, будто занят чем-то своим.

— Сегодня не назову цену, — сказала она.

Женщина помяла край муфты, потом согласилась. Вера записала её имя и условия приёма, выдала бумажку. Денег не взяла.

Когда вернулась в рабочую комнату, Матвей показал на часы.

— Мне через час на другую установку.

— Успеем. Сейчас повешу объявление.

На двери появилась записка: «Проверка оборудования. Приём через полчаса». Вера закрыла задвижку и вернулась к столу.

Ей было неприятно запирать лавку в объявленные часы. Ещё неприятнее было бы торопить пробу только затем, чтобы выглядеть перед улицей постоянно готовой ко всему.

Она заново проверила зажимы. Пока ходила, ничего не изменилось, но начинать с середины незаконченного действия не любила.

Матвей положил пробную петлю на колодку. Вера открыла малую подачу.

Тонкая медь согрелась. Полоска рядом с ней сохраняла светлый цвет. Вера держала ладонь на привычном расстоянии, чувствуя ровный ход тепла, и другой рукой взяла размыкатель.

— Готовы? — спросила она.

— Да.

Костяная ручка легла удобно. Вера подцепила защитную жилку и потянула. Та лопнула с коротким сухим звуком.

Ровный отклик в рабочей петле сразу пропал. По отводу прошла последняя тёплая волна; песок в оправе принял остаток. Матвей не подправлял ни рычаг, ни зажимы.

Вера подождала и снова провела ладонью над петлёй.

Подача прекратилась.

Она положила размыкатель на стол. В памяти ещё держалось бурое пятно на полоске Дарьи и горячий запах из-под большой оправы. Здесь всё было меньше, тише и заранее понятно. От этого проверка не казалась лишней.

— Теперь можно записывать, — сказала она.

Матвей сделал отметку. Потом закрыл основной рычажок, дождался нужного состояния прибора и показал замену жилки. Вера сверила новую со снятой: та же толщина, та же длина рабочего участка.

— Если оборвётся во время ремонта, сначала ищете причину, — сказал он. — На другую, потолще, не менять.

— Понимаю. Мне нужно вернуть вещь клиенту, а не продолжать подачу любой ценой.

Он кивнул. Больше объяснять не стал.

После замены они повторили обычную малую подачу и штатное выключение. Прибор работал ровно. Запасные жилки Матвей сложил в отдельный бумажный пакет с пометкой; Вера положила его в ящик, где не было рабочей медной нити.

Когда она открыла лавку, за дверью уже ждал мужчина с подставкой под чайник. Вера приняла её только на осмотр и записала следующий срок разговора. Мужчина ушёл быстро, даже не попросил починить немедленно.

Но на рабочем столе так и осталась разложенная колодка, а возле Матвея — лист, который она ещё не успела подписать.

* * *

Они убрали пробную колодку и размыкатель. Прокатный источник остался на столе. Вера просмотрела запись, расписалась и забрала свой экземпляр.

До ухода Матвея оставалось немного времени. Она показала ему пометку о зарядке.

— Четыре часа и ещё час. С одним вкладышем я могу в это время делать только то, чему подача не нужна.

— Да.

— А в постоянном месте второй будет ждать готовым.

— Если вы его заранее зарядили. И не отдали на другую работу.

Вера посмотрела на две принятые вещи. Ещё недавно ей хватало одного клиента, чтобы считать день занятым. Сегодня появились ещё двое — и каждый пока занял только несколько строк в книге. Настоящее время они потребуют позже.

Она взяла чистый лист.

Не стала сразу расписывать все будущие места. Отметила часы сегодняшнего дня, поставила рядом подготовку без тепла, настройку и проверку. Между ними оставила время на приём. Затем вписала зарядку готового вкладыша в своей печи и час остывания.

Всё помещалось, пока каждая работа занимала ровно столько, сколько она отвела на бумаге.

Вера подвинула границу одного промежутка. Потом другого.

— Не надо считать мой обжиг сюда, — сказал Матвей, заметив отдельную строчку внизу. — Это срок поставки. Он не отнимет у вас печь на весь день.

— Я знаю. Мне нужно видеть, сколько ещё работать с одним прибором.

Он прочёл пометки и кивнул.

— После обжига сообщу, что прошло проверку. Раньше этого следующий заказ на новые места не подтверждайте только ради даты на листе.

Вера отложила карандаш.

— А вы не ставьте его в очередь без моего слова.

— Договорились.

Он поднял ящик. Вера придержала дверь, затем отошла, чтобы дать ему пройти.

— Матвей.

Он остановился на пороге.

Вера хотела сказать спасибо за то, что он не стал снова предлагать большое ядро. Или за исправленный рисунок. Обе благодарности показались странными: за рисунок она заплатила, а покупать то, чего не могла купить, он и не должен был её заставлять.

— После проверки первой пары приходите с ней ко мне. На моём столе удобнее будет смотреть подачу на разных вещах.

— Хорошо. Предупрежу о времени.

Он вышел. Вера посмотрела вслед, пока ящик не скрылся за краем окна, и только потом вернулась к книге.

На столе лежали два подтверждённых документа: договор и запись о пробе. В первом были её деньги и чужая работа. Во втором — то, что они уже сделали вместе и могли предъявить без объяснений на словах.

Вера убрала бумаги в одну папку, а две квитанции на принятые вещи — в другую.

Муфту перенесла на полку. Подставку под чайник оставила ближе: её можно было осмотреть до закрытия. Села за поднятый стол и обнаружила, что забыла возле прилавка карандаш.

Пришлось встать.

На обратном пути зазвенел колокольчик. Вера остановилась между двумя комнатами, держа карандаш в руке, и повернула обратно к посетителю.

Глава 5. Вторая пара рук

На шестое утро Вера трижды прошла от рабочего стола до прилавка и обратно, прежде чем сняла нижнюю крышку с подставки под чайник.

Первый посетитель спросил, когда вернётся Агата. Второй хотел узнать цену починки вещи, которую оставил дома. Третья вошедшая ничего не принесла.

Вера положила отвёртку.

— Что у вас?

— У меня руки свободны, — ответила девушка. — Зоя Карпова сказала, вы тут одна принимаете и чините.

— Пока да.

— Я ищу работу.

Она стояла возле скамьи, не снимая короткого синего жакета. Волосы были собраны туго, но одна прядь всё равно выбралась у виска. На указательном пальце темнело чернильное пятно. Девушка взглянула на открытую книгу, затем на отвёртку в Вериной руке.

— Записи вести умею. Считать тоже. Лика Сомова.

— С вещами работали?

— С полотном. Летом записывала продажи, осенью считала остатки. Хозяин закончил сезон и уехал. Ему теперь до весны никто не нужен.

— А вязь?

— Не умею. Хочу учиться.

Вера посмотрела на подставку. Сквозь приоткрытую крышку виднелись два разошедшихся крепления; между ними была пережата нить. После согласования с владельцем такой ремонт можно было сделать быстро, если не вставать каждые пять минут.

На помощницу деньги всё равно пришлось бы откуда-то взять.

— Мне пока нечем занять человека на весь день, — сказала Вера.

— Мне не обязательно весь. Сколько часов вам нужно?

— С утра до двух. Когда чаще заходят.

— И сколько платите?

Вера чуть крепче сжала отвёртку. Вопрос был правильный. Она сама только что обсуждала с Матвеем плату за осмотр и каждое будущее место, но человеку, который стоял перед нею без ящика с инструментами, цену почему-то хотелось назвать позже.

Она положила отвёртку на стол.

— Марку за четыре часа. Сегодня попробуем с десяти до двух. Если обе согласимся, завтра в то же время. Я ещё не могу обещать постоянную работу.

Лика посмотрела на часы.

— Сейчас без пяти десять.

— Успеете снять жакет.

Девушка улыбнулась и принялась расстёгивать пуговицы.

— А обучение?

— Если останетесь, начнём с приёма и материалов. К работающему источнику пока не подходить. Цены и сроки ремонта назначаю я.

— Поняла. За эти четыре часа вы платите марку, даже если решите, что я вам не подхожу?

— Да.

Лика повесила жакет. Крючок был занят одним из тётиных фартуков; она не сняла его, а повернулась к Вере.

— Можно сюда?

Вера освободила крючок и достала чистый лист.

* * *

Вначале всё пошло легко.

Лика писала мелко и разборчиво, оставляя между строками место. Перо держала ближе к кончику, чем Вера. Когда требовалось перевернуть страницу, сперва проверяла, просохли ли чернила, — привычка полезная возле вещей, которые потом отдают клиентам.

Вера показала записи о муфте и подставке, квитанции на них и полку для принятого.

— Если принесут что-то ещё, запишите имя, вещь и когда хотят забрать. Позовите меня. Ничего не разбирать, даже если хозяин говорит, что там всего один шов.

Лика кивнула.

— А если только спросить?

— Смотря что.

— Про часы приёма я могу ответить?

— Можете.

— Про Агату?

— Ушла на покой. Работать здесь буду я.

Лика записала и это на отдельном уголке.

Вера хотела сказать, что такие простые вещи можно запомнить. Потом увидела собственный лист с режимом зарядки и промолчала.

Хозяин подставки пришёл до полудня. Вера услышала его голос, но не сразу вышла: как раз выбирала зажатый конец нити, чтобы показать повреждение, не растянув его.

— Лучше сегодня к вечеру, — говорил мужчина в лавке. — Завтра утром жена уезжает, хотела взять.

Лика что-то спросила. Он повторил фамилию.

Когда Вера подошла, в книге уже стояло: «Выдать сегодня».

— Почему сегодня? — спросила она.

Лика подняла глаза.

— Он так сказал.

— Он сказал, когда ему нужно. Мы ещё не согласовали работу.

— Я не обещала. Вы велели записать, когда хотят забрать.

Вера посмотрела на строку. Девушка не оправдывалась и не пыталась спрятать перо. Просто ждала, что ей объяснят разницу между устным поручением и тем, что вышло на бумаге.

Мужчина переступил с ноги на ногу.

— Так можно к вечеру?

Вера забрала книгу к себе и показала ему подставку.

— Нить пережата креплением. Вкладыш исправен. Поправлю гнездо, заменю этот участок и прокладку. Две с половиной марки вместе с материалом. К закрытию успею, после проверки.

Он согласился.

Вера вписала условия, повторила цену вслух, выдала квитанцию. Когда дверь закрылась, книга осталась перед нею.

— Давайте пока я буду записывать, — сказала она.

Лика положила перо.

Следующие полчаса Вера отвечала на вопросы, искала нужную длину нити и дважды возвращалась к прилавку. Девушка передавала ей вещи, которые лежали в пределах вытянутой руки. В какой-то момент Вера попросила подать чистую бумажку, и Лика подала.

Потом спросила:

— А что я должна делать сама?

— Пока смотрите.

— Я могу смотреть. Только вы опять всё делаете одна.

Вера подняла голову.

— Мне сейчас надо закончить подставку.

— Тогда покажите, как записывать, чтобы вы не возвращались к каждой строке. Я же не могу догадаться, где у вас просьба, а где обещание.

На первом листе книги действительно была одна графа для срока. Агата заполняла её после осмотра; Вера тоже. Для разговора, который вела бы другая женщина, места не предусмотрели.

Вера отложила нить.

— Принесите линейку.

Лика встала.

— Она здесь, — сказала Вера и сама потянулась к краю стола.

Потом убрала руку.

Девушка взяла линейку и положила между ними.

На новом листе появились две отдельные строки: «Когда просят» и «Когда согласовано». Во второй Лика должна была писать только после Верина ответа. Рядом добавили цену и короткое «осмотр», если никакой работы ещё не обещали.

— Слово «выдать» пока не ставим, — сказала Вера. — Можно записать «нужна к вечеру». Это слова владельца.

— А ваши будут здесь.

— Да.

Лика переписала запись о подставке, сохранив уже согласованные условия. Затем сама показала строку.

Вера прочла и вернула лист.

— Так правильно.

— Тогда оставьте книгу у меня.

Вера оставила.

* * *

Хозяйка муфты, Марфа Егорова, пришла после полудня, как и договаривались. Сняла серый платок и сложила его на коленях. Без платка лицо казалось моложе, но привычка крепко прижимать губы осталась.

Вера принесла муфту и показала распущенный край.

— Всю старую подкладку оставить нельзя. Вот здесь ткань уже не держит шов.

Она подложила под истончённое место тёмную полоску бумаги. Бумагу было видно сквозь ткань.

Марфа наклонилась.

— Я её сама вшивала. Тогда ещё сын в коротких штанах ходил.

— Давно носите.

— Привыкла. У новых внутри гладко, руки скользят. Мне эта нравится.

Вера провела пальцем по широкой кайме возле входа для рук. Там ткань была сложена вдвое и сохранилась лучше. Изношенная середина висела между прочными краями, почти не соединённая с ними.

— Эту кайму можно оставить. Под неё поставить новую основу, чтобы старое больше не держало нагрузку. Внутри, где протёрлось, будет другая ткань.

— А по краям прежняя?

— Да. Если подбирать мягкую вставку, сильного перехода под рукой не будет. Но она будет видна. Я не сделаю вид, что ничего не меняла.

Марфа сунула руку в муфту, пошевелила пальцами и медленно вынула.

— Покажете, какую вставите?

Вера достала образец из коробки с тканью. Марфа потёрла его между пальцами, затем провела по тыльной стороне ладони.

— Такая подойдёт. Только края не выбрасывайте.

— Годные края останутся на муфте. Всё снятое покажу.

Вера развернула подкладку так, чтобы видеть большую часть узора. Вязь на прочной наружной основе сохранялась; повреждения приходились на несколько переходов к внутреннему слою. Их можно было заменить, не придумывая заново всю вещь.

Больше времени займёт ткань.

Вера представила обычный новый шов, прибавила осторожную разборку и подгонку старой каймы. Марфа всё ещё держала образец, поглаживая его одним и тем же движением.

— Две с половиной марки, — сказала Вера. — С заменой середины и восстановлением переходов. Закончу через три дня, к вечеру.

Она успела услышать собственную цену раньше, чем до конца посчитала часы.

Марфа сразу кивнула.

— Края оставляем. Середину меняем на эту. Правильно?

— Правильно.

Лика записала условия и повторила их, показав пальцем нужную строку. Вера проверила дату под её пером и кивнула. Образец ткани прикрепили к квитанции маленьким стежком.

Марфа ушла спокойнее, чем пришла.

Вера осталась стоять с муфтой в руках. Её хотелось немедленно распороть до конца: сейчас, пока никто не отвлекает, легко выяснить всё остальное.

Но рядом лежала подставка, обещанная сегодня, а часы уже подходили к двум.

— За первый день, — сказала Вера, отсчитывая Лике марку.

Девушка убрала монету не сразу.

— Завтра приходить?

— С десяти до двух. Условия те же.

Лика кивнула, надела жакет и забрала свою небольшую сумку.

Книга осталась на приёмном столе. Вера не стала уносить её в рабочую комнату.

* * *

Материалы для подставки обошлись в половину марки. Заодно Вера купила еды на марку, чтобы вечером снова не выбирать между хлебом и последним хлебом.

Крепления удалось выправить без замены всего гнезда. Новая прокладка удерживала нить в стороне от металлического края. Вера проверила посадку, настроила подачу и оставила подставку с водой в небольшом чайнике. Пока шла проба, она могла переписать записи Лики начисто.

Вместо этого разобрала рабочую полку.

У неё оставались полчаса, за которые не пришлось никому говорить: «Одну минуту». Она успела найти нужные зажимы, подписать коробку и закончить отложенный ещё утром осмотр подставки со всех сторон.

Владелец получил её перед закрытием и заплатил две с половиной марки. Вера показала, как ставить вкладыш без нажима на край, и попросила не стягивать расшатавшееся крепление проволокой. Старую проволоку положила рядом с квитанцией. Мужчина смущённо покрутил её и забрал.

За вычетом материала ремонт оставил две марки.

Вера записала поступление, плату Лике и покупку еды. На руках снова оказалось девяносто четыре — столько же, сколько было утром. Только за этот день одна вещь стала исправной, появился человек на приёме и выяснилось, что его ещё нужно учить.

Она проверила оговорённый срок муфты и поставила рядом знак, чтобы утром не забыть заказать нужную ткань.

* * *

На следующее утро Лика пришла с небольшим полотняным свёртком. Положила его на край скамьи.

— Это обед. Можно здесь оставить?

Вера показала свободную полку в кладовой.

— Рядом с моим. На рабочий стол еду не ставим.

— Я вчера видела.

Лика сняла жакет и сразу открыла книгу на нужном месте. Не спросила, чем заняться, — начала проверять, у всех ли принятых вещей есть квитанции.

Вера разложила муфту, пока ещё не распарывая её дальше. Нужно было подготовить инструменты, выписать длину переходов, выбрать иглу для старой каймы. Из лавки доносился разговор.

— А если я принесу дорожную грелку, вы за день управитесь?

— Мастерица сначала посмотрит. Могу сказать, когда удобно принести.

Вера прислушалась. Лика назвала часы приёма и повторила, что обещает осмотр, а не готовую вещь. Женщина у двери что-то уточнила и ушла.

Книгу к Вере не понесли.

Через некоторое время Лика появилась сама.

— Просила на завтра. Ничего не оставила, поэтому в заказы не вписывала. Записала отдельно, что спрашивали. Так?

— Так.

— Ещё здесь у муфты имя есть, а подкладка просто «старая». Я могу добавить, что оставляем только края? Мы вчера это согласовали.

— Добавьте. И новую середину по образцу.

Вера хотела взять лист и написать сама — получилось бы быстрее. Лика уже повернула его к себе, и Вера вместо этого вернулась к своей работе.

Позже они перебрали чистую ткань. Лика раскладывала отрезы, а Вера объясняла, где край можно пустить в подгиб, а где волокно расходится от одного лёгкого натяжения.

Девушка взяла кусок и потянула слишком резко.

— Не на разрыв проверяем, — сказала Вера. — Вот так, понемногу. Смотрите на просвет.

Она показала на другом крае, затем вернула ткань.

Лика повторила. На этот раз медленнее.

— Этот для подкладки уже плохой?

— Для места, которое держит шов, плохой. Для чистой обёртки ещё годится.

— Тогда надо две коробки.

Вера достала вторую.

Тепловые части прибора они не трогали. Вера показала только закрытую рабочую подачу и объяснила, почему к опечатанным гнёздам старого кольца ничего не подключают. Лика прочла её временный допуск, задержалась на дате окончания.

— А потом?

— К этому дню нужно собрать постоянную схему и предъявить её на осмотр. Первое место уже заказано.

— Если не успеете, я всё равно получу за отработанное?

Вера подняла голову.

— Получите. Ваша плата от осмотра не зависит.

Лика кивнула и сложила лист, точно совместив края.

За несколько минут до двух Вера подошла к приёмному столу. На нём лежали книга, перо, отдельный лист вопросов и две квитанции на уже выданные вещи. У каждой было своё

место. Лика ещё не знала половины названий деталей, но в её записях ничего не приходилось искать под чужими бумагами.

— На следующую неделю могу предложить три таких выхода, — сказала Вера. — По четыре часа, по марке. Даты сейчас запишем. Начнём завтра.

— Кроме приёма что делать?

— Записи, полка вещей, учёт материала. Сначала показываю, потом вы делаете. За работой с вязью можете смотреть, но сами подачу не открываете и узор не меняете.

— Если появится ещё один день?

— Отдельно договоримся. Задерживаться после двух молча не нужно.

Лика посмотрела на часы, словно проверяла, относится ли это и к сегодняшнему дню.

— Мне подходит.

Они записали даты и плату в двух экземплярах. Один Вера положила к своей тетради, второй Лика убрала в сумку. Девушка получила вторую заработанную марку и на этот раз не стала держать её на ладони, ожидая продолжения.

После её ухода Вера купила еды ещё на марку и закончила недельный подсчёт. Осталось девяносто две, включая тридцать, которые она не вынимала из мешочка. Плата за помощь уже перестала быть строчкой, которую можно было забыть вписать в расходы.

Вера поставила рядом с муфтой новую карточку для времени работы. Отдельно — разборка, ткань, вязь, проверка. Посмотрела на цену, которую назвала Марфе, и не стала пока складывать будущие часы.

На крючке у двери больше не висел Ликин жакет. Вера сняла тётин фартук, который потянулась было повесить туда обратно, и убрала его в кладовую.

Крючок остался свободным до утра.

Глава 6. Цена красивого шва

Муфта держалась лучше, пока её не трогали.

На столе она выглядела вполне пристойно: потёртый мех, мягкие края, аккуратная, хоть и выцветшая подкладка. Стоило начать вытягивать старую нить, как ткань возле стежков расползлась маленькими неровными отверстиями.

Вера остановилась после первых двух.

Она не потянула сильнее. Взяла иглу тоньше и стала высвобождать каждый стежок с обратной стороны, придерживая волокна ногтем. Шов, на который она отвела полчаса, ещё не закончился, когда Лика пришла к десяти.

— Уже начали? — спросила девушка, снимая жакет.

— С утра.

— В карточку записали?

Вера кивнула на лист возле лампы.

Лика заглянула, но ничего не сказала. Отнесла сумку в кладовую и открыла лавку.

Утром восьмого дня Вера успела купить новую ткань, подходящую нить и прокладку. На материалы ушли две марки. Ещё три забрали плата за следующую неделю, отправка денег и дрова. В своей тетради она внесла оба расхода, а в карточке муфты оставила пока только время начала.

Теперь туда следовало добавить ещё строку.

Подкладку было жаль не потому, что её просили сохранить. Ткань оставалась красивой: мелкие светлые полосы почти исчезали, когда на неё смотрели прямо, и снова проступали под углом. Там, где руки годами касались края, она стала гладкой и податливой. В середине эта мягкость уже оборачивалась пустотой между нитями.

Вера отделила негодный участок и разложила его на тёмной бумаге. Синие тени от разрывов показались крупнее самой ткани.

Сохранить можно было кайму. Они с Марфой так и договорились.

Только кайму надо было посадить на новую основу, а не заставить ещё раз удерживать всё, что осталось от муфты.

Вера подрезала прокладку, оставив запас, и примерила первый край. Старая ткань легла волной. Она сняла её, раздвинула подгиб, попробовала снова.

На этот раз край стал ровнее, но натянулся возле бокового шва.

В лавке Лика объясняла кому-то часы приёма. Голос у неё звучал негромко, зато последние слова она не проглатывала. Посетитель переспросил только один раз.

Вера воспользовалась тишиной, вытянула ещё один старый стежок и поняла, где ошиблась в своём расчёте.

Она посчитала обычную замену подкладки, а к ней прибавила немного бережности. Здесь же вся разборка состояла из этой бережности. Убрать её из работы было нельзя, если оставлять старые края настоящими, а не двумя красивыми клочками под новым швом.

Вера взглянула на цену в карточке.

Две с половиной.

Лика вошла с листом.

— Спрашивали про большую дорожную грелку. Сказала принести на осмотр. Пока только вопрос, без вещи.

— Хорошо.

— Вам вырезать что-нибудь?

Вера посмотрела на полосы новой прокладки. Самой было бы быстрее: сразу видишь, где оставить край шире.

Она подвинула Лике чистый обрезок и бумажный образец.

— Две такие полосы. Сначала обведите. Покажите, прежде чем резать.

Лика взяла карандаш.

Вера успела освободить ещё один участок каймы, пока девушка чертила. Когда та вернулась, одна полоса оказалась слишком близко к краю ткани.

— Здесь сдвиньте. Иначе после подгиба не хватит ширины.

Лика передвинула образец и обвела заново.

Вера не отобрала карандаш.

* * *

Матвей пришёл ближе к полудню. Принёс железную основу первого постоянного места и пакет креплений. Керамика, по его словам, уже стояла в обжиговой печи; трогать её до окончания и остывания было нечего.

— Пока примерим это, — сказал он. — Чтобы потом не сверлить рядом с готовой вязью.

Вера освободила край стола, но муфту не убрала. Та лежала раскрытой на двух кусках бумаги, и переносить её ещё раз не хотелось.

Матвей поставил раму на скамью.

— Через проход можно?

— Можно. Только я не сразу отодвинусь.

Он подождал, пока она закрепит нить, затем прошёл к отмеченному месту у стены. Вера показала, где оставить расстояние до рабочей поверхности. Он приложил основу, проверил крепление и достал инструмент.

Некоторое время в комнате были слышны только короткие удары и шорох ткани. Лика принимала вопросы в лавке; Вера могла не поворачивать голову при каждом колокольчике.

Муфта всё равно не хотела укладываться.

Широкая кайма была чуть растянута с одной стороны. Если пришить её как новую, у ладони получится складка. Если подтянуть, на ткань снова ляжет нагрузка, которую теперь должна держать основа.

Вера сняла наметку.

Матвей закончил крепление и обернулся.

— Много с ней работы? — спросил он, глядя на разобранную вещь.

— Оказалось, много.

Он посмотрел на разложенные рядом инструменты.

— Продвинулись?

— Достаточно, чтобы понять, сколько осталось.

Матвей подошёл ближе, но не протянул руки.

— Здесь надо стянуть?

— Наоборот. Удержать без натяжения, пока я посажу старый край на новую прокладку. Потом он будет только касаться руки, а держать будет нижний слой.

Вера попробовала устроить ткань между двумя гладкими дощечками. Правый край лежал хорошо; левый выскальзывал всякий раз, когда она подводила иглу.

Лика могла бы подержать, но в лавке как раз разговаривали. Матвей смотрел на дощечки.

— Если есть десять минут, — сказала Вера, — придержите левую. Только не прижимайте ткань к ребру.

Он отложил инструмент.

— Покажите, как придержать.

Вера положила его пальцы на нужное место, затем подложила под дерево сложенный кусок мягкой ткани.

— Вот здесь. Ещё немного ниже.

Матвей переместил руку. Большой палец остался возле края, точно там, где ткань собиралась выскользнуть.

Вера провела иглу.

Первый стежок лёг свободно. Второй тоже. Она чуть изменила направление, и Матвей, заметив движение, передвинул дощечку совсем немного.

— Не надо, — сказала Вера.

Он вернул её.

— Так?

— Так. Мне нужна неподвижная опора.

Больше он не двигал руку сам.

Вера шила. Между новым и старым краем понемногу исчезала резкая граница. Не зрительно — разный оттенок всё равно останется, — а под пальцами. Прокладка принимала натяжение, истончённая ткань ложилась поверх неё спокойно.

Матвей держал дощечку надёжно, не мешая игле. Вера видела светлую пыль возле его ногтя и небольшую вмятину на деревянном краю под большим пальцем. Работать рядом оказалось удобно. Эта простая мысль задержалась у неё дольше, чем требовалось для шва.

— Теперь можно отпустить, — сказала она.

Матвей разжал пальцы. На муфте ничего не сдвинулось.

Вера провела ладонью по краю и показала ему.

— Чувствуете стык?

Он осторожно коснулся ткани.

— Вижу. Почти не чувствую.

— Так и нужно.

Она повернула муфту. Рядом со старым потёртым мехом новый участок выглядел светлее, но больше не выпирал и не тянул кайму внутрь.

Матвей не сказал, что проще было всё выбросить. Посмотрел на сделанное, затем на снятую подкладку.

— Теперь понимаю, что именно она хотела оставить.

Вера поймала себя на том, что ей приятно это услышать.

— Не всю вещь прежней, — сказала она. — Только то, к чему прикасается.

Из лавки выглянула Лика.

— До двух четверть часа. Что ещё сделать?

Вера взглянула на муфту. Ещё несколько поручений можно было найти немедленно. Можно было не заметить, как девушка задержится, пока они закончат примерку.

— Соберите остатки новой ткани в этот пакет. Они относятся к муфте. Потом проверьте записи за утро.

Лика кивнула и вернулась к прилавку.

Матвей убрал инструмент. Примеренная основа осталась у стола, пока ещё без нового рабочего вкладыша.

— О результатах обжига сообщу, — сказал он. — Если всё в порядке, послезавтра привезу пару на пробу.

— К вашему часу освобожу стол.

Вера проводила его до двери. Он остановился, чтобы пропустить женщину с пустой корзиной, и вышел следом.

Она вернулась к муфте, посмотрела на закреплённый левый край и попробовала вспомнить, когда в последний раз ей не приходилось одновременно шить и удерживать всё остальное локтем.

Потом дописала в карточке время.

* * *

Лика получила условленную марку и ушла в два. Вера осталась с муфтой и постепенно опустевшей лавкой.

Середину подкладки удалось поставить ровно. Вторая старая кайма поддалась легче первой: теперь Вера знала, сколько оставить свободы и где нельзя прятать лишнюю ткань в плотный подгиб. Она не стала торопиться на последних стежках. Слишком легко было сэкономить здесь четверть часа, чтобы потом распарывать всё ещё раз.

Когда ручная часть закончилась, Вера убрала иглы и развернула муфту к свету.

Новый слой отличался по цвету. У краёв оставались знакомые Марфе полоски, уже на прочной основе. От прежней середины на столе лежал тонкий лоскут, который можно было сложить почти до размера монеты.

Ткань возле нового подгиба ещё сохраняла немного влаги: утром Вера расправляла залом, смачивая его через салфетку. Для настройки следовало дождаться сухого материала. Иначе она настроит вязь по лишним потерям, которые исчезнут, когда подкладка досохнет.

Она разложила муфту на чистой решётке в тёплой комнате, вдали от открытого огня. Рабочий вкладыш поставила на очередную зарядку. В карточке отметила, что настройка переносится на утро.

Пообещала она всё равно на следующий вечер. Запас времени ещё оставался.

Вера закрыла лавку, поела и поднялась к себе. Уже в комнате вспомнила о новом шве и на минуту задумалась, не спуститься ли проверить, как он лежит после просушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.